

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.6>

Власова Елизавета Алексеевна

**АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА "ФИЛИАЛ":
ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ**

В статье рассматривается интертекстуальный подтекст повести "Филиал" С. Довлатова. В задачу исследования входит проанализировать функционирование интертекстом, проявляющихся в повести на различных уровнях (как фабульном, так и текстуальном). Целью анализа является обнаружение связей между различными произведениями Довлатова, относящимися к разным функциональным стилям: публицистическому и стилю художественной литературы. В качестве сравнения для понимания процессов экспликации художественного замысла привлекаются эссе "Литература продолжается" и повесть "Филиал" Довлатова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ITALICS IN I. S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND SONS"

Borisova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Orenburg State University
iragridneva7611@mail.ru

The article for the first time considers italics as a graphical means in I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons". The analysis has allowed the researcher to identify and describe the most frequent functions of italics in this literary work. The interaction of italics with other components of poetics is traced. Special attention is paid to studying the role of italics in the storyline and compositional structure of the novel and in its imaginative system. The findings lead to the conclusion that the writer uses italics to describe the basic social and political conflict and to express sympathy to his personages.

Key words and phrases: I. S. Turgenev; novel "Fathers and Sons"; graphics of fiction work; graphical means; italics; marking-out; functions of italics.

УДК 82; 7; 18:7.01

Дата поступления рукописи: 10.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.6>

В статье рассматривается интертекстуальный подтекст повести «Филиал» С. Довлатова. В задачу исследования входит проанализировать функционирование интертекстем, проявляющихся в повести на различных уровнях (как фабульном, так и текстуальном). Целью анализа является обнаружение связей между различными произведениями Довлатова, относящимися к разным функциональным стилям: публицистическому и стилю художественной литературы. В качестве сравнения для понимания процессов экспликации художественного замысла привлекаются эссе «Литература продолжается» и повесть «Филиал» Довлатова.

Ключевые слова и фразы: «Филиал»; Довлатов; автоинтертекст; интертекстуальность; публицистический стиль.

Власова Елизавета Алексеевна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
kealis@gmail.com

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ФИЛИАЛ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ

Проблема соотношения и конкуренции публицистических произведений с художественными представляет собой одну из острых и полемичных тем для современного литературоведения [11]. В творчестве Довлатова с его ярко выраженным (псевдо)документальным [1; 2; 12] характером эта тема приобретает особую актуальность. В интервью Дж. Глэду Довлатов признавался: «... тот жанр, в котором я... выступаю, это такой псевдодокументализм... я пишу псевдодокументальные истории, надеясь, что они время от времени вызывают ощущение реальности, что все это так и было, хотя фактически на сто процентов этого не было, это все выдуманное...» [3, с. 89].

Целью настоящего исследования является обнаружение смысловых трансформационных процессов, происходящих при превращении публицистического произведения в художественное. Таким образом, в задачу работы входит сравнение двух произведений Довлатова, относящихся к разным функциональным стилям, но имеющих схожую тематику. Неизбежно при таком сравнении возникает вопрос о взаимосвязи двух произведений, эксплицитно представленной на текстуальном уровне. Интертекстуальность как характерная черта довлатовской прозы неоднократно становилась предметом анализа и является **актуальным** направлением современного довлатоведения [1; 4; 5]. Особенностью настоящей работы является то, что в основе исследования находится малоизученный аспект интертекстуального характера довлатовской прозы, связанный с актуализированной автоинтертекстуальностью – эксплицитно выраженной связью между произведениями Довлатова.

Повесть «Филиал (Записки вездущего)» была написана в 1988 году в США и впервые опубликована в петербургском (ленинградском тогда) журнале «Звезда» (1989, № 10) [10]. Повесть выступает своеобразным художественным продолжением эссе «Литература продолжается», написанным С. Довлатовым для «Нового американца». В основе эссе и повести лежит описание конференции «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981, май) [8]. Таким образом, события реальной конференции получили отражение в двух функциональных стилях – публицистическом в виде эссе (1982 год) и в художественной повести (1988 год).

Интертекстуальные переключки эссе и повести позволяют обнаружить направление творческой обработки (одних и тех же) событий, наметить ракурс субъективности, обеспечивающий большую объективность образа героя и человека.

В повести происходит вторичная актуализация событий, происходящих в эссе, что сопровождается художественным переосмыслением этих событий и процессом трансформации исходного содержания. Так, в «Филиале» уже в самом названии закладывается отрефлексированное восприятие малой Родины, филиала России – замкнутого в себе универсума.

Рассказчик сообщает: «Радио “Третья волна” <где герой работает> помещается на углу Сорок девятой и Лексингтон. Мы занимаем целый этаж гигантского небоскреба “Корвет”. Под нами – холл, кафе, табачный магазин, фотолаборатория» [9, с. 9]. Образ «Корвета» (как известно, в литературной традиции чаще всего разбойничье-пиратского судна) усиливает и развенчивает, дополняет и корректирует образ ветхозаветного «Ноева ковчега». Образы «двух охранников, белого и черного» [Там же], стоящих при входе в здание, – в своей «диалектической противоположности» – акцентируют и углубляют мотив «каждой твари по паре». Замечание о том, что на радио служат «около пятидесяти штатных сотрудников» и «Среди них имеются дворяне, евреи, бывшие власовцы. Есть шестеро невозвращенцев – моряков и туристов» [Там же, с. 11], завершает предварительный образ Ноева ковчега-филиала, проектирует образ маленького универсума, образ-код, выводящий на уровень обобщающих интертекстуальных проекций.

Образ героя-рассказчика Далматова занимает в системе персонажей повести центральное, но (что еще более важно) срединное место¹, что необходимо для формирования «нейтральной» (объективной) точки зрения на литературные споры, разгорающиеся на симпозиуме «Новая Россия: варианты и альтернативы», привнося, таким образом, эссеистско-объективированную интонацию в художественный текст.

Интертекст выходит на передний план посредством героев-литераторов, становящихся объектами (субъектами) журналистской и писательской рефлексии Далматова.

По сюжету повести Тася, в которую герой был когда-то влюблен, появляется в Лос-Анжелесе, потому что «приехала к Ваньке Самсонову <Аксенову>. Но Ванька, понимаешь ли, женился...» [Там же, с. 43]. Если в эссе Аксенову выделена кратенькая главочка «Кумиры нашей юности», где имена Аксенов и Гладилина слиты едва ли не воедино, даны во множественном числе («кумиры»), подчеркивая совместную (общую) роль писателей в формировании «молодежной прозы» («Аксенов и Гладилин были кумирами нашей юности. Их герои были нашими сверстниками. Я сам был немного Виктором Подгурским. С тенденцией к звездным маршрутам...» [7, с. 282]), то в повести «Филиал» Аксенов-Самсонов получает некую «самостоятельность»: он «отделен» от Гладилина и наделен собственной сюжетной нитью: «В холле я увидел знаменитого прозаика Самсонова. Они с женой Рашелью направлялись в бар. Могу добавить – с беззаботным видом» [9, с. 44]. По мере развития конференциального сюжета именно Самсонов выдвинет кандидатуру Анастасии Мелешко в качестве лидера российской оппозиционной партии [Там же, с. 124]. Так, совокупный образ «кумиров» молодежной прозы не развенчан, но развит: характер «знаменитого прозаика» наряду с чертами почтительно-респектабельными (эссе и Аксенов) обретает черты наивно-иронические (повесть и Самсонов). Образ канонизированного «кумира» благодаря автоинтертексту обретает живость, жизненность, «очеловеченность».

В эссе каждый из реальных участников симпозиума удостаивается небольшого фрагмента, в центре которого оказывается некая анекдотическая ситуация, бывшая с героем.

Обязательность присутствия Далматова среди участников симпозиума-конференции (в отличие от эссе, где корреспондент отправляется на конференцию по собственной воле, из «снобизма» [7, с. 274]), привносит элемент отстраненности (дистанцированности) героя от участников симпозиума «Новая Россия», обеспечивает невовлеченность его в «судьбоносные» общественные споры, гарантирует эффект объективации, скрашенной сторонней иронией малоинтересованного наблюдателя: «Скажи мне, что ты думаешь о будущей России? Только откровенно. – Откровенно? Ничего...» [9, с. 16].

Завершая эссе о международной конференции «Литература в эмиграции. Третья волна», Довлатов подводит итог и говорит о том, что «должна быть в литературе кошмарная, невероятная, фантазмагорическая путаница» [7, с. 285], «священный беспорядок» [Там же, с. 284]. Сопоставление текстовых пространств эссе «Литература продолжается» и повести «Филиал» словно бы подтверждает эту мысль Довлатова. Несовпадение характеристик, «неуточненность» фактов, разница в составе участников симпозиума и проч. – так же, как и во многих других произведениях Довлатова, которые содержат в себе противоречивые сведения об одних и тех же событиях и лицах, – становится знаком многоликости человеческой природы, неоднозначности человеческого характера, противоречивости поведения персонажа (личности) в различных обстоятельствах, подтверждением максимы, сформулированной Довлатовым еще в «Зоне»: «Человек... – *tabula rasa*» [6, с. 58].

Основу интертекстуального поля произведений составляет близость *системы героев* эссе и повести, т.е. «одноименность» действующих лиц, участников конференции. Наличие «одних и тех же» героев-литераторов в двух различных текстах дает возможность актуализировать разность характерологических доминант каждого образа-персонажа, увидеть одного и того же героя с различных сторон (нередко противоречиво-противоположных). Так, эксплицируется мысль художника о том, что природа человеческой личности сложна и противоречива, а следовательно, в различных ситуациях и обстоятельствах может репрезентировать себя с различных сторон, внешне противоречивых, но по существу органичных единому (и по-своему цельному) личностному характеру.

Автоинтертекст в повести Довлатова привлекается через транспозицию одних и тех же цитат и реплик персонажей, ранее использованных прозаиком в эссе, но позднее оказавшихся в тексте художественной повести.

¹ Герой Далматов – внештатный сотрудник радиостанции «Третья волна».

Так, применительно к образу Виктора Некрасова в эссе «нейтрально» звучит: «Гражданская биография Виктора Некрасова – парадоксальна. Вурдалак Иосиф Сталин наградила его премией. Сумасброд Никита Хрущев выгонял из партии. Заурядный Брежнев выдворил из СССР» [7, с. 280]. Однако в повести фактически те же слова передоверены повествователем уже самому Панаеву (Некрасову): «Панаев говорил: – Кровожадный Сталин наградила меня орденом. Миролюбивый Хрущев выгнал из партии. Добродушный Брежнев чуть не посадил в тюрьму» [Там же, с. 279]. Потенциал субъективности в повести по сравнению с эссе прирастает.

Подводя итоги рассмотрению интертекстуальных пластов повести «Филиал», сопоставительному анализу повести «Филиал» и эссе «Литература продолжается», можно сделать следующие выводы.

Довлатов использует для двух – различных в жанровом отношении – произведений одну и ту же фактологическую основу: события международной конференции «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981, май, Лос-Анжелес), на которой он присутствовал в качестве «стороннего наблюдателя», готовящего репортаж для «Нового американца». Одинаковая фабульная основа текстов позволяет при исследовании актуализировать пласт авторского интертекста (автоинтертекста), давая возможность сопоставить два различных в исходном дискурсе произведения Довлатова – публицистическое в своей основе эссе и художественную повесть.

В повести «Филиал», на наш взгляд, важнейшим аспектом интертекстуального анализа должен был стать (и стал) *автоинтертекст*.

Своеобразие использования автоинтертекста в повести «Филиал» определяется во многом тем, что Довлатов размышляет о роли «русского литератора» [9, с. 25], фактически о традиционной проблеме русской классической литературы «писатель и творчество», «предназначение поэта и поэзии». В отличие от классиков русской литературы, Довлатов (Далматов) снимает с себя бремя быть «голосом народа», «общественным глашатаем», но «на частном уровне» продолжает размышлять о качестве русского писателя и о значении русской литературы, русского языка (как прежде в «Заповеднике»).

По мысли Далматова, русским писателем должен называть себя тот писатель, который творит на русском языке, для которого русский язык есть язык его мысли и творчества. Если в «раннем» «Заповеднике» еще чувствовалось стремление писателя дифференцировать русские и еврейские корни (= ментальность) персонажей, обозначить «исторический разрыв почвенников и либералов» [9, с. 272], то в «Филиале» сквозной нитью проводится мысль о том, что «махровые шовинисты» и «безродные космополиты» [Там же, с. 279] суть одно и то же: «Как все-таки они похожи» [Там же, с. 39]. Неслучайно на симпозиуме талантливый (гениальный) Бродский становится «аргументом» и одних, и других [7, с. 273]. Язык, по Довлатову, уравнивает происхождение, поднимается над «зовом крови».

Неслучайно и о себе, представителе «симпатичного меньшинства» («Заповедник»), Далматов-Довлатов говорит: «Я, например, хочу быть русским писателем. Я, собственно, только этого и добиваюсь» [Там же, с. 277]. По Далматову-Довлатову, как в эссе «Литература продолжается», так и в повести «Филиал», главное, что все герои, участники симпозиума «Новая Россия», суть русская литература, которая *продолжается*, в том числе и в пределах американского «филиала». Интертекст повести (точнее – *автоинтертекст*) позволяет Довлатову шире и многообразнее – «с фантастическим могуществом» [Там же, с. 266] – представить эту проблему.

При сопоставлении текстов эссе «Литература продолжается» и повести «Филиал» кажется очевидным, что публицистический дискурс эссе должен быть вытесненным образной символикой художественного текста повести: размышления эссеиста о норме и абсурде современной жизни у корреспондента-наблюдателя должны наполниться образной символикой универсального плана. Отчасти именно так и происходит, но, как известно по «Компромиссу», газетные репортажи Далматова далеко не всегда фактологичны и объективны, домысел и вымысел становятся основой творческой стратегии в том числе и публициста.

В повести градус художественного вымысла повышается, домысел констатирует уже первый повестийный эпизод, когда герой «Филиала» оказывается в Лос-Анжелесе. Если в эссе рассказчик сообщает (вероятно) достоверный факт о том, что из аэропорта до гостиницы он доехал на такси вместе с Виктором Перельманом, то в повести появляется «вымышленный» эпизод – когда водителем такси героя Далматова оказывается бывший заключенный из Устьвымлага, т.е. места службы Алиханова, героя «Зоны». Одна повесть Довлатова увязывается с другой, поддерживая мысль «записок надзирателя» о схожести жизни по обе стороны запретки и об ее абсурдизме и хаосе. Далматов: «Я подумал: вот тебе и Дальний Запад! Всюду наши люди» [9, с. 19] (вспомним Н. А. Ярошенко: «Всюду жизнь...»). Бывший охранник и бывший заключенный оба оказываются эмигрантами, оба спасаются на «Ноевом ковчеге» «филиала». Если в «Зоне» Довлатовым уравнивались советские лагерь и государство, то теперь сравнение выходит за пределы «советскости»: уподоблению подвергаются мир Востока и Запада, *здесь и там, тогда и теперь*. Размах довлатовских обобщений уже не носит выраженного социально-политического характера, но оказывается всеобщей человеческой универсалией – от Дальнего Востока до «Дальнего Запада» [Там же]. Автоинтертекст обретает в эпизоде «двойственную» суть – «Филиал» оказывается связанным не только с эссе «Литература продолжается», но и с повестью «Зона» («Компромисс» и др.), расширяя границы корреспондентских обобщений.

В целом, завершая сопоставительный анализ двух произведений Довлатова – публицистического эссе «Литература продолжается» и художественной повести «Филиал», можно говорить о первичности публицистического начала при взаимодействии с художественной тканью произведения, получающего благодаря механизмам автоцитации степеней художественного обобщения (образ филиала как Ноева ковчега). Благодаря интертекстам – переключкам с эссеистской тематикой и её художественному переосмыслению – автор достигает необходимой интонации отстранённости.

В «Филиале» опора на один и тот же материал (реальные события конференции русской эмиграции в Лос-Анжелесе) позволяет писателю обнаружить разность художественной интенции, увидеть одни и те же ситуации и характеры с новых сторон, наметить иные ракурсы восприятия образов и обстоятельств. Сопоставление текстов эссе «Литература продолжается» и повести «Филиал» демонстрирует свободу художественного вымысла и домысла в последнем случае, расширяет хромотопические границы повестийной наррации. Введение в праэссеистический сюжет любовной линии, выдержанной в духе хемингуэевского творчества, соединяет временные пласты повествования, обозначает новые (сдвоенные) координаты места и времени. Любовная интрига не вытесняет, но существенно дополняет образ объективного корреспондента чертами субъективированной личности героя-влюбленного: внешнее дополняется внутренним, взгляд «извне» дублируется (углубляется) за счет ракурса «изнутри». Композиционная свобода обеспечивает повествованию хромотопический разброс, а следовательно, самобытную структурно-сюжетную стереоскопию. Публицистический (эссеистический) дискурс обогащается художественным (повестийным). Автоинтертекст гарантирует простор творческой интерпретации и художественной аксиологии.

Таким образом, говоря об интертекстуальных пластах, выявленных в повести Довлатова «Филиал», можно констатировать, что здесь они приобретают форму (преимущественно) авторского интертекста, *автоинтертекста*. Именно его роль в художественном произведении можно считать доминирующей, смыслопорождающей, сюжетоорганизующей (хотя и различной на каждом из уровней). Между тем привычные междиалоговые связи с русской классической и мировой литературой хотя и отстают на второй план, тем не менее сохраняют свой семантико-смысловой потенциал, ощутимую контентность (хемингуэевский хромотоп, хемингуэевский тип героя продолжает лидировать в диалоге текстов Довлатова, при этом не заслоняя собой своеобразие стилистики и манеры зощенковского письма или приемов чеховской наррации). В любом случае можно утверждать, что интертекстуальное поле повестей Довлатова оказывается обширным и смыслоемким.

Список источников

1. Бутенина Е. М. Миф американской литературы в филологической прозе русских писателей-эмигрантов в США // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 1. С. 5-9.
2. Воронцова-Маралина А. А. Проза Сергея Довлатова: поэтика цикла: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 18 с.
3. Глэд Дж. Сергей Довлатов: писать об абсурде из любви к гармонии // Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. Интервью. М.: Книжная палата, 1991. С. 88-94.
4. Доброзракова Г. А. Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 7 (69). С. 169-180.
5. Доброзракова Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX-XX веков: дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 425 с.
6. Довлатов С. Зона: записки надзирателя // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 2. С. 7-166.
7. Довлатов С. Литература продолжается // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 4. С. 273-286.
8. Довлатов С. Литература продолжается: после конференции в Лос-Анжелесе, май, 1981 // Звезда. 1994. № 3. С. 112-118.
9. Довлатов С. Филиал (Записки ведущего) // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 4. С. 5-282.
10. Довлатов С. Филиал: записки ведущего // Звезда. 1989. № 10. С. 21-89.
11. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: экспериментальная энциклопедия: русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
12. Поливанов А. С. «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970-1980-х годов: Вен. В. Ерофеев, С. Д. Довлатов, Э. В. Лимонов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 18 с.

INTERTEXTUALITY OF THE NARRATIVE "AFFILIATE" BY S. DOVLATOV: TRANSFORMATION OF MEANINGS

Vlasova Elizaveta Alekseevna

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
kealis@gmail.com

The article deals with the intertextuality of S. Dovlatov's narrative "Affiliate". The task of the research is to analyse the functioning of intertextemes, which are manifested in the narrative at various levels (both plot and textual ones). The purpose of the study is to detect links between Dovlatov's various works relating to different functional styles: publicistic and fiction ones. As a comparison, the essay "Literature Continues" and the narrative "Affiliate" by Dovlatov are drawn to understand the processes of an artistic conception explication.

Key words and phrases: "Affiliate"; S. Dovlatov; auto-intertext; intertextuality; publicistic style.